

Толерантность – не лозунг, а конкретные ДЕЛА

Эдуард Рубенович Сукиасян, ФГБУ «Российская государственная библиотека», заведующий сектором, главный редактор ББК, Научно-исследовательский центр развития ББК

С библиотеками у меня большая переписка. Всегда отвечаю на письма в связи со своими публикациями (адрес известен: E-mail sukias@rsli.ru), завязываются отношения. Иногда пишу сам, практически всегда получаю ответ. Начну статью о толерантности с письма, на которое ответа я не получил, решили, наверное, не отвечать.

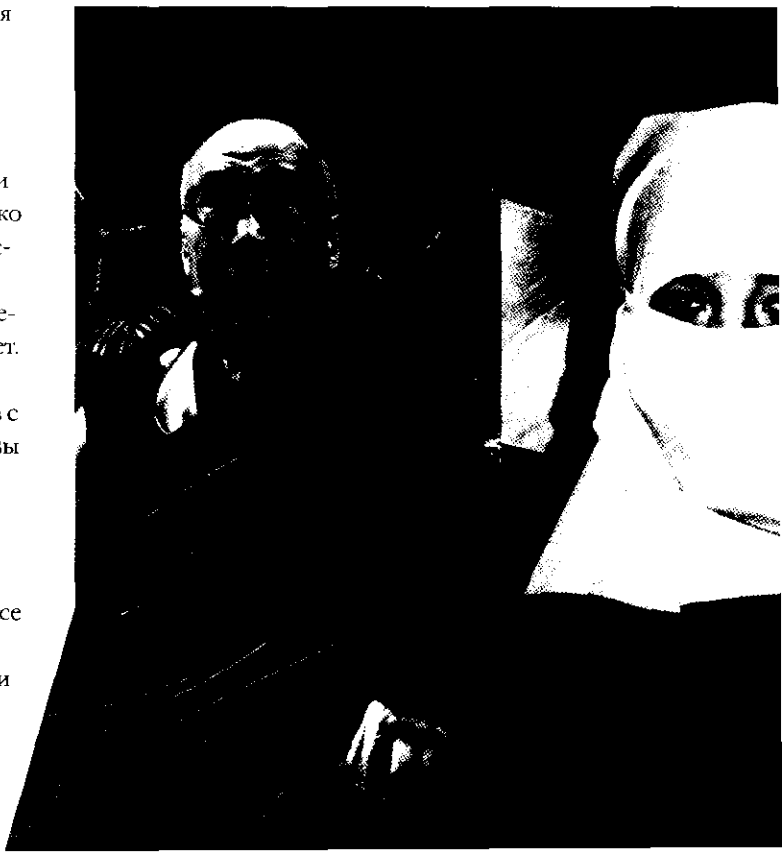
«Дорогая Ирина Николаевна! Меня взволновала публикация в «Библиотеке». Я несколько раз выступал в печати по вопросам толерантности. И здесь мой глаз остановился на Ваших словах, именно там, где Вы упомянули, написали это важное слово:

толерантность. Значит, Вы его знаете. И как же Вы его понимаете, подумал я. О какой толерантности, о какой «декаде толерантности» может идти речь, если в библиотеке открывается кафедра православной литературы? Ведь публичная библиотека, какой Ваша библиотека является, учреждение светское, а не религиозное, православное. И в нашем Федеральном законе «О библиотечном деле» это несколько раз подчеркнуто. В ст. 1 сказано: «общедоступная библиотека – библиотека, которая предоставляет возможность пользования ее фондом и услугами... гражданам без ограничений по уровню образования, специальности, отношению к религии». Это меня и волнует: как только Вы сделаете свою библиотеку православной, путь в неё для всех верующих других конфессий будет закрыт. Я слышу Вас, Вы в этот момент говорите мне: кто это Вам сказал? Пусть приходят... Вы ошибаетесь: никто, кроме православных, к Вам не придет. Информация распространяется очень быстро. Открыв православиию дверь, Вы закрыли двери библиотеки, превратили её в филиал храма божьего. Этого Вы не заметите, это случится независимо от Вас. Ведь Вы сами, Ирина Николаевна, не ходите ни в мечеть, ни в синагогу.

Я пытался найти на веб-сайте Вашей администрации сведения о национальном и религиозном составе Вашего города. Сколько среди жителей людей других национальностей? Нет такой информации. Зарегистрировано 6 религиозных объединений, но данных по количеству верующих нет. Плохо работает Ваша администрация со своим сайтом. У Вас в городе нет мигрантов с Северного Кавказа? Или из Средней Азии? Вы когда-нибудь задумывались, где читают эти люди? Ведь их дети сидят в классах рядом с нашими русскими (по национальности и языку) мальчиками и девочками. И плохо говорят по-русски. А их родители часто вообще не говорят. Вы скажете мне: нет их в нашем городе. Не могу в это поверить. Евреи (среди них много верующих, иудеев) живут в России везде. Теперь и мусульман много. Посмотрите вокруг широко открытыми глазами.

Вот, что сказано в ст. 12 нашего ФЗ «О библиотечном деле»: «2. Библиотеки, находящиеся на полном или частичном бюджетном финансировании, должны в своей деятельности отражать сложившееся в обществе идеологическое и политическое многообразие». Я и пытаюсь понять, какое у Вас «многообразие?».

Россия переживает трудные дни. К нам приезжает каждый день немало гостей, которых мы не ждали. Из Таджикистана, Киргизии, меньше из других бывших республик Средней Азии, которые мы совсем не так давно называли братскими. Из национальных районов Северного Кавказа. Закавказье представлено жителями Грузии и Азербайджана. Причины миграции разные, но в основном – экономические. Когда семья оказывается в бедности и живет впроголодь, на заработки отправляют молодых и трудоспособных. Это на первых порах. Затем к ним приезжают жены и дети. Устроились, нашли работу, начинают приезжать родственники, целые «трудовые бригады»... Есть и другие причины, значительно более серьезные,

город, который всегда славился интернационализмом. В многонациональной стране редко встречалось «компактное проживание титульной нации».

Подумаем о русских по национальности мигрантах. Их, наверное, больше всех, но мы их просто не видим: они не выделяются ни цветом волос, ни языком, в толпе они незаметны. Многие русские семьи вынуждены были покинуть родные места на Кавказе и в Средней Азии. А там, где они захотели остаться, например, в Прибалтике, превратились в «неграждан», лишенных избирательных и иных прав.

политические. Например, из Абхазии вынуждены были выехать грузины и армяне. Если они не нашли пристанища, приезжают в Россию.

Давайте подумаем: а где они могли найти себе новое место постоянного жительства? Не надо думать, что «родина» любого грузина по национальности в Грузии, а армянина – в Армении. Родина – это то место, где жили родители, где человек родился и вырос. Я, например, армянин, но моя малая родина – мой родной Тбилиси,

your duty
isto accept me
my duty
isto tolerate you

Среди тех, кто к нам, в Россию, приезжает, есть люди образованные, имеющие высшее образование. Что делать специалисту, если он педагог или врач, но обучался у себя на национальном языке? В своей профессиональной среде места он не находит.

Быстро протекает процесс депрофессионализации, человек теряет квалификацию. Вместе с ней – тот стержень в жизни, ради которого он жил.

Слышу, как читающий эти строки внутренне протестует: нам-то это зачем знать? У нас свои проблемы. Не надо нам всё это, будем жить, как жили. И скажет в заключение избитую фразу «Понаехали тут...».

Мне кажется иногда, что мы не знаем истории. Вспомните: мир перенес несколько волн русской эмиграции. Уезжали семьями – во Францию, в Австрию и Германию, и дальше – в Бразилию или, например, в Австралию. В годы войны и гитлеровской оккупации сотни тысяч русских, украинцев, белорусов, людей других национальностей были вынуждены покинуть свои родные места, эвакуироваться в республики Средней Азии. Переезжали не только заводы и фабрики. В Среднюю Азию уезжали университеты...

Мы же библиотекари! Посмотрите воспоминания, почитайте литературу. Нигде нас не унижали, не считали «инородцами», людьми «славянской национальности». Напротив, встречали с пониманием, устраивали с жильем, помогали с работой. Как же получилось, что мы забыли об этом? В свое время мы в полной мере познали, что такое человеческое сострадание, понимание, душевная теплота. Откуда взялась в нас эта черствость?

Люди, которых мы называем «мигрантами», нуждаются в нашей помощи. Главное – понять, как говорил Максим Горький, что «все мы люди, все человеки». Если специально образованное в стране министерство считает своей основной задачей проверку миграционных карт, помочь «мигрантам» могут библиотеки.

Мы должны помнить: библиотека по своей сути – особое учреждение. Если библиотекари это понимают, то люди, проходящие мимо здания, помещения библиотеки, видящие её окна, должны чувствовать: вот здесь нас всегда ждут, здесь нам обрадуются, согреют своей любовью и заботой. В детстве (я родился и вырос в Тбилиси) мне всегда казалось, что в библиотеках

ждали именно меня. Потом я заметил: так же нежно и ласково встречали каждого ребенка. А в школе, после уроков, все спрашивали друг у друга: ты сегодня в библиотеку пойдешь? Знаете, каким часто бывал ответ? «Да, конечно. Только зайду домой, умоюсь и переоденусь». Визит в библиотеку для каждого из нас был праздником. Не знаю, какой была «средняя посещаемость». Мы любили ходить в библиотеки, их было много. Вот, что интересно: все хорошо знали, в какой из них есть что-то особенное, например, издания XIX века. От нас, школьников, ничего не прятали ни в подвалы, ни в «задние комнаты».

В те годы никто не знал слова «толерантность». В Тбилиси не было принято обращать внимание на национальности, а «вероисповеданий» у нас просто быть не могло. Мы могли общаться с библиотекарями не только на грузинском и русском: среди них всегда находились владеющие другими языками. Мне кажется, что в Грузии многое должно сохраниться и сегодня, несмотря на националистические явления в обществе. Библиотеки очень традиционны.

Есть у нас в библиотеках кружки и курсы английского, немецкого и французского языков? Есть, работают. А почему не помогаем мы нашим читателям освоить труднейший русский язык? Давайте я сам отвечу на поставленный вопрос. Нет у нас таких читателей. Те, которые к нам ходят, знают русский язык как родной. А эти, которые мигранты? Так ведь нет их среди наших читателей. Как не было, так и нет. Не ходят они к нам.

Вспоминаю свою первую поездку в Швецию в 1979 году. Давно это было, но хорошо помню, как меня глубоко поразили библиотеки. Все были готовы к обслуживанию многонационального населения. На полках в систематическом порядке стояли книги на многих языках! Везде можно было увидеть буклеты и листовки на 18 языках (русского среди них не было) с крупными заголовками «Приходите в вашу библиотеку!». Далее шли правила записи, что и на какой срок можно взять домой, что почитать в библиотеке, часы работы, телефоны. Рабочими языками были два: шведский и английский. Все библиотекари должны были знать их свободно. А какими были другие 16 языков и почему были выбраны они? Это были родные

языки для тех мигрантов – рабочих (в основном) и служащих, «которых приняла Швеция». Оказалось, что все знали: в Швецию на работу приезжают турки, сербы, хорваты... Но при двух условиях: все они должны предварительно, у себя на родине, сдать экзамен по английскому или, если хотят, по шведскому языку (шведы считают, что его изучить проще). В списке были также скандинавские языки. В Швеции распространен финский язык, а из соседней Дании ежедневно приезжает немало датчан. Второе условие очень важно: глава семьи должен иметь достаточно высокую квалификацию, подтвержденную соответствующим документом и стажем работы. Государство гарантировало работу с первого дня, как правило, с высокой оплатой труда. Зарботка хватало для оплаты жилой площади. Члены семьи сначала изучали языки. Затем дети начинали посещать учебные заведения. Русского эмигранта, диссидента, уехавшего из России, я встретил в Национальной библиотеке. Он владел английским. Русский был «выгодным» для библиотеки, его приняли на работу сразу. Как оказалось, за несколько лет он овладел шведским и финским языками.

В публичной библиотеке я увидел турка с дочерью, выбирающего книги на немецком языке. Это меня заинтересовало, мы поговорили уже на английском. Его рассказ приведу полностью. «Мы здесь уже восьмой год, мой срок пребывания заканчивается. Приехали с женой и двумя детьми. Нет, денег хватало: в Швеции очень высокие зарплаты, хотя жизнь дорогая. Я сразу начал

работать в крупной фирме водопроводчиком и сантехником, занимался монтажными работами и ремонтом. Уже третий год также преподаю на курсах повышения квалификации. Жена за эти годы закончила университет в Лунде, стала юристом. Старшая дочь кончает школу и будет учиться на врача, младшая (он показал на девочку) пока учится. Дома растет еще мальчик, который родился здесь. Почему книги на немецком? Мы все уже знаем этот язык. Переезжаем в Германию, скоро я поеду в Мюнхен устраиваться на работу, покупать жилье. Здесь остается наша дочь: она выходит замуж за шведа, жить будут в нашей квартире. С собой повезем в двух контейнерах мебель, кухню, библиотеку. В Швецию, которую мы очень полюбили, будем приезжать, нам здесь понравилось». И мне Швеция очень понравилась. Если в Швеции человек работает, то быстро продвигается в своем деле, соответственно – хорошо оплачивается его труд. Пьющих здесь практически нет. Как нет,

вообще-то говоря, такого труда, который мы называем «неквалифицированным». На каждом шагу фантастический уровень механизации и автоматизации. А то, что я увидел в шведских библиотеках в 1979 году, до сих пор представляется нам фантастикой.

Мы должны быть патриотами своей страны. Но любовь к России вовсе не означает, что мы не должны видеть недостатки, мириться с ними. Тем более, если

мы знаем и можем с ними бороться. Не надо во всем обвинять правительство. Страна у нас большая и разная. Но каждый может сделать многое на своем рабочем месте, своей головой, своими руками. Как хочется об этом напомнить, когда мы проводим дни, недели и месячники «толерантности». Думал ли кто-нибудь из нас, в какой связи находится толерантность с патриотизмом русского человека, россиянина? Представьте себе, что расскажут о нас, о нашей стране, те мигранты «кавказской» и «среднеазиатской» наружности, которые вынужденно оказались среди нас. Меня, например, всегда спрашивают, как относится православная церковь к алкоголизму? Почему мы не можем с ним справиться? Вопрос очень глубокий, больной. Мусульманская религия категорически отвергает спиртные напитки. В арабском мире пьют только приезжие. Вот почему многие бывшие мигранты уже давно имеют постоянную московскую прописку: умные русские женщины выгоняют своих мужей-алкоголиков, берут в мужья мусульманина. Это трудолюбивые мужчины, приносящие в дом все заработанные деньги, любящие своих женщин (вспомните арабскую поэзию), а еще больше – детей и свой домашний очаг. Добавлю: мне бросилось в глаза, что мусульмане – удивительно чистоплотные в

быту люди. Довелось в жизни месяц провести в Афганистане, восхищался народом каждый день. Посчастливилось (еще в 70-х годах) несколько раз приезжать в Грозный, бывать в гостях у чеченцев. Город было похож на Кисловодск, народ добрый, заботливый, гость в доме чеченца – большое счастье в семье (это такая пословица). Многие скажут: сейчас всё не так! Наверное. В Грозном до сих пор помнят русскую фамилию того артиллериста, который приказал выстрелить снарядом по Национальной библиотеке. Он знал, что делает. Начался пожар, в котором сгорело два миллиона томов. Другой такой «герой» уничтожил Национальную картинную галерею. Об этих эпизодах войны у нас предпочитают не говорить. Там бывает много журналистов, но мы не знаем, сколько высших учебных заведений работает в республике, на телевизионном экране мы не видим студенческих аудиторий, детей, идущих по утрам в школы. Между прочим, мало кто знает, что по уровню образования – как в послереволюционные годы, так и в предвоенные, 30-е – Чечено-Ингушетия занимала второе место в стране (первое всегда держала Грузия). Нашему телевидению далеко до толерантности... Мне не хочется давать в этой статье «методические указания». Я даже не стал объяснять, что такое толерантность. Если вы заинтересовались, посмотрите литературу (достаточно открыть в WWW.Google.ru «Толерантность»), найдите мою статью «Воспитайте в себе толерантность» (Школьная библиотека. – 2007. – № 2. – С. 35-37. Трудно найти журнал – напишите мне, пришлю). Просто подумайте о том, что можно сделать, и начните работать. Вам помогут ваши читатели (если среди них вы найдете людей разного цвета кожи, различных национальностей и вероисповеданий). Только помните: всякие «мероприятия», связанные с толерантностью, принесут пользу, если вы будете работать не с узким кругом своих читателей, а с населением в целом. Начинать сегодня. К вам в библиотеку зашел нежданный гость? Подойдите, поприветствуйте его, улыбнитесь, пригласите внутрь. И вы увидите, как он ответит вам. Станет тепло и радостно – так, как всегда должно быть в библиотеке. Если вы толерантны. Не на словах, а на деле.